

А. М. Жульников¹

К ВОПРОСУ О СХОДСТВЕ КРЕМНЕВОЙ СКУЛЬПТУРЫ И НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ СЕВЕРНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Zulnikov A.M. Upon a question on similarities between flint figurines and rock art of Northern and Eastern Europe

Первым обобщающим исследованием, посвященным анализу кремневой скульптуры Северо-Восточной Европы, является статья С.Н. Замятнина (1948), в которой была опубликована большая часть известных к середине XX в. кремневых скульптурок, сделаны предположения о датировке и семантике фигурного кремня, предложена классификация кремневой скульптуры. По справедливому замечанию исследователя, пик использования кремневой скульптуры в мировой культуре падает на время, переходное от эпохи камня к эпохе энеолита. С.Н. Замятнин предположил автохтонное происхождение кремневой скульптуры Северо-Востока Европы, отметив, что возможность культурных связей в духовной сфере требует анализа «перемен в среде, для которой заимствование становится исторически необходимым или хотя бы возможным» (Замятнин, 1948, с. 102).

С.Н. Замятнин, обнаружив множество параллелей в репертуаре кремневой скульптуры и петроглифов, обратил внимание, что большая часть фигурного кремня найдена за пределами распространения наскальных изображений. Это дало

основание исследователю рассматривать кремневую скульптуру как функциональный аналог петроглифов, проявившийся в тех районах Европы, где отсутствовали скальные выходы (Замятнин, 1948, с. 113).

В настоящее время после уточнения возраста наскальных изображений и кремневой скульптуры стало ясно, что мы имеем дело с разновременными явлениями. Большая часть петроглифов Карелии была создана в эпоху неолита, тогда как массовое распространение кремневой скульптуры на территории Восточной Европы происходит в энеолите (Жульников, 2006, с. 203).

Тем не менее нерешенным остается фундаментальный вопрос о причинах сходства между наскальными изображениями и кремневой скульптурой Северной и Восточной Европы не только по репертуару образов, но и по сходству деталей ряда изображений. Изучение этого вопроса представляет интерес как для исследования процессов взаимодействия в духовной сфере древнего населения Северной Европы, так и для реконструкции мировоззрения человека эпохи камня. Сопоставление особенностей стиля изображений, выполненных в разной технике, позволяет также отчасти ответить на основополагающий для крем-

¹ Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия.

невой скульптуры вопрос — что изображено или кто изображен?

С момента выхода статьи С.Н. Замятнина количество кремневой скульптуры на памятниках Восточной Европы возросло примерно в четыре раза (около 400 экз.), а число неолитических наскальных изображений на территории Фенноскандии — примерно в десять раз (около 15 000 фигур), что значительно расширяет возможности для статистических сопоставлений. Существенно расширилась и география памятников мобильного и наскального искусства, появились материалы, связанные с контекстом кремневой скульптуры. Кремневая скульптура в последние десятилетия была обнаружена в тех районах Карелии, где находятся наскальные изображения (Жульников, 1993). Основной ареал распространения кремневой скульптуры на Севере и Востоке Европы охватывает Волго-Окское междуречье, западную часть бассейна Белого моря и восточную часть бассейна Балтийского моря. В настоящее время уточнена датировка и культурная принадлежность кремневой скульптуры, появились классификации для отдельных видов фигурного кремня — антропоморфных изображений (Уткин, Костылева, 1996; Кашина, 2006) и символических фигур (Жульников, 2010). Ряд данных, полученных автором данной работы, свидетельствует о том, что наскальные изображения и кремневая пластика относятся к миру мужской субкультуры. Имеющийся контекст кремневой скульптуры говорит о том, что ритуальные функции петроглифов и кремневой скульптуры не могут быть тождественными (Жульников, 2010).

Методика данного исследования:

1. Сопоставление репертуара сходных и отличающихся образов наскальных изображений и кремневой скульптуры проведено на основании не только качественных, но и количественных данных.

2. Определение стилистических приемов и канонов, позволяющих различать изображения животных и антропоморфных персонажей в кремневой скульптуре, выполнено с опорой на наскальные изображения Фенноскандии.

3. Изучение пространственных масштабов проявления того или иного сходного признака позво-

лило выявить некоторые причины сходства наскальных изображений и кремневой скульптуры.

Наскальные изображения, как и кремневая скульптура, широко распространены на территории земного шара, однако используемые для их создания наборы образов оказываются неодинаковы, что обусловлено природно-географическими различиями регионов, спецификой хозяйственной деятельности и локальными особенностями мифологических представлений древних людей.

С.Н. Замятнин отметил наличие в кремневой скульптуре и на петроглифах Северной и Восточной Европы следующих сходных образов: птица, бобр, лось, медведь, морской зверь, символическое изображение в виде месяца, в том числе с одним или двумя выступами, ассоциированная с символическим изображением фигура животного, выдра-ящерица, фронтальная антропоморфная фигура, змея, рыба (рис. 1, 1–24).

В последние десятилетия XX в. репертуар сходных образов на петроглифах и кремневой скульптуре пополнился следующими изображениями: дерево, лосиноголовый жезл, профильный антропоморфный персонаж, символическая фигура в виде креста, пушной зверь (волк, лиса и т.п.), сдвоенная фигура птиц, собака (?), редуцированная фигура лося или голова лося (?) (рис. 1, 25–42). Некоторые из этих аналогий, не исключено, имеют случайный характер, то есть за сходными по форме изображениями, могут стоять совершенно разные образы. Требуется уточнения методами трасологического анализа изобразительный характер некоторых кремневых фигур, особенно это касается изображений в виде лосиноголовых жезлов, напоминающих по форме ножи углового типа.

Прослеживается сходство специфических приемов изображения некоторых антропоморфных персонажей (рога или уши на голове, согнутые в коленях ноги) и фигур птиц (выступ на спине) (рис. 2).

Кремень мало пригоден для изображения мелких деталей у фигур (особенно орнамента), что отчасти, видимо, обусловило ряд отличий в составе образов наскальных изображений и кремневой скульптуры.

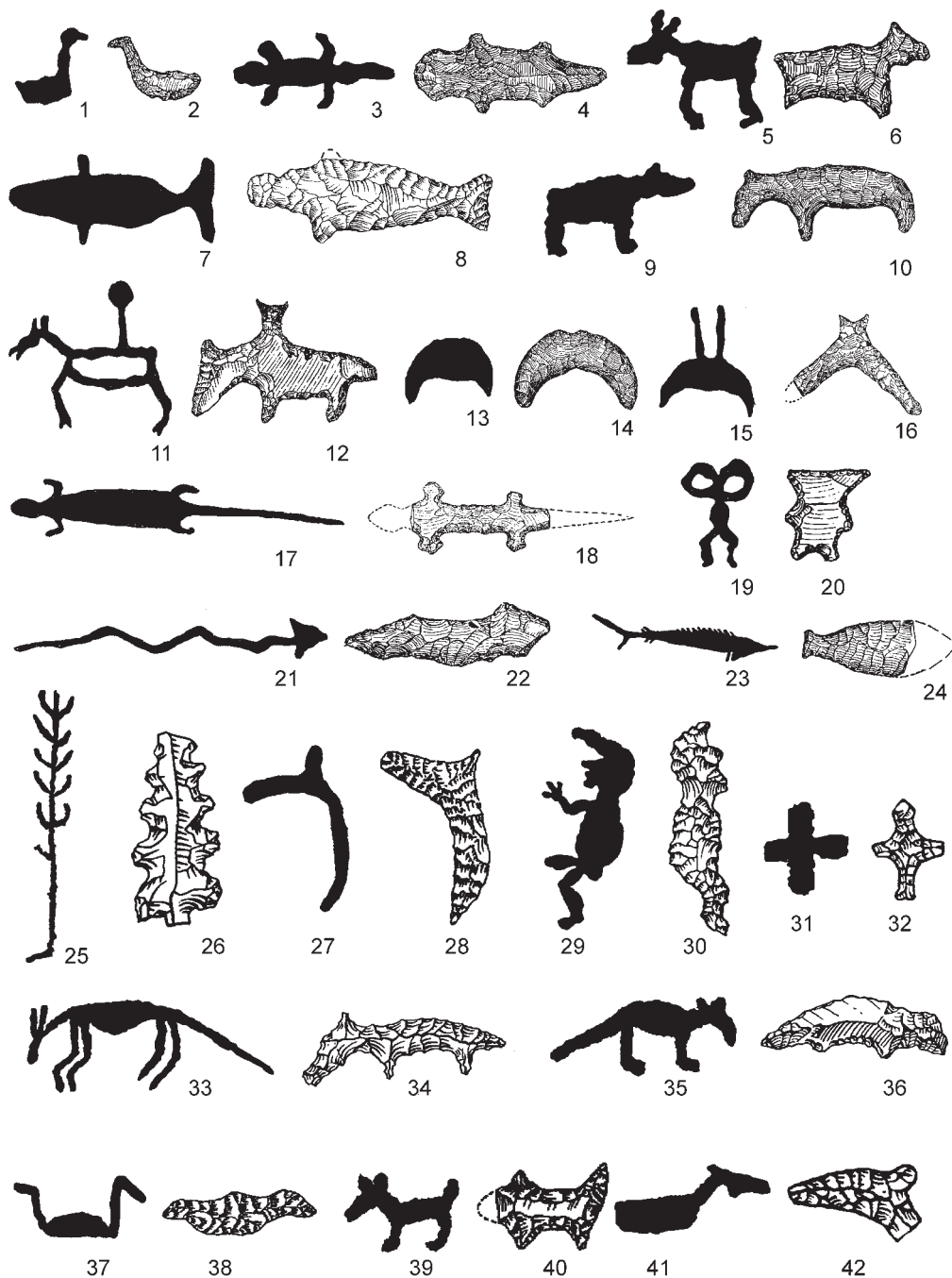


Рис. 1. Сходные изображения на петроглифах Фенноскандии и в кремневой скульптуре Восточной Европы:

1, 3, 5, 19, 29, 41 — Пери Нос III, 7, 17, 23, 25 — Бесов Нос (западная группа), 9, 31 — Бесовы Следки (северная группа), 13 — Бесов Нос (северная группа), 21 — Пери Нос II, 27 — Альта, 33 — Карецкий Нос, 35 — Остров Большой Гурий, 37 — Кладовец Нос, 39 — Пери Нос IV, 2, 14, 16, 24 — Волосово, 4 — Казань, 6, 8, 10 — Зимняя Золотица, 12 — Дуденево, 18 — Изведово, 20 — Бологое, 22 — Панфилово, 26, 34 — Сухое, 28 — Старомазиковская III, 30 — Ольский Мыс, 32, 38 — Вёкса, 36 — Залавруга IV, 40 — Тихманга, 42 — Тунгуда V (Равдоникас, 1936; 1938; Замятнин, 1948, рис. 3, 5, 4, 3, 5, 9, 5, 9, 13, 15, 22, 6, 1, 11, 21; Савватеев, 1977, рис. 78, 8; Шевелев, 1986, рис. 1, 1; Шевелев, 1990, рис. 1, 5; Жульников, 1993, рис. 6, 4; Никитин, 1996, рис. 64, 1; Ошибкина, 1996, рис. 74, 5, 9; Недомолкина, 2000, рис. 2, 2, 4, 9)

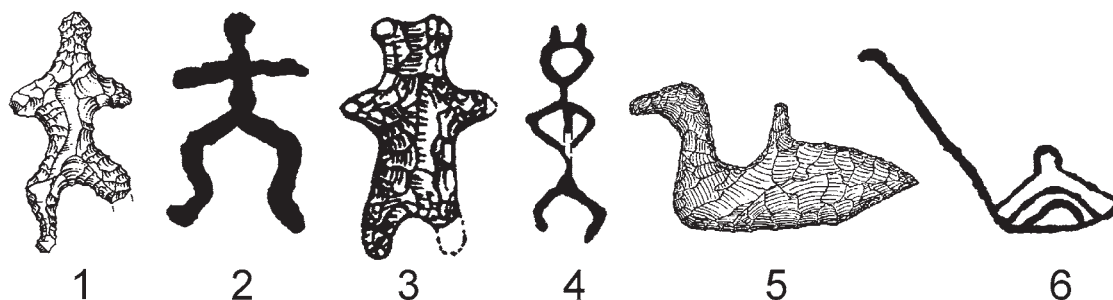


Рис. 2. Сходные приемы изображения антропоморфных персонажей и водоплавающих птиц на петроглифах Фенноскандии и в кремневой скульптуре Восточной Европы:

1 — Сухое (Ошибкина, 1996, рис. 74, 2), 2 — Карецкий Нос, 3 — Уница (Замятнин, 1948, рис. 3, 7), 4 — Келтавуори (Lahelma, 2008, fig. 10, e), 5 — Модлона (Замятнин, 1948, рис. 5, 4), 6 — Пери Нос III (Равдоникас, 1936, табл. 13)

Различия в составе образов наскальных и кремневых изображений имеют в ряде случаев определяющее значение для решения вопроса о функции памятников монументального и мобильного искусства. Особо следует отметить отсутствие в кремневой пластике изображений лодок, которые в обилии представлены во всех крупных неолитических скоплениях наскального ис-

кусства Фенноскандии (рис. 3). Образ лодки, неразрывно связанный с понятием «община» (Ревуенкова, 1974), подчеркивает общественную значимость памятников монументального искусства. Напротив, отсутствие образа лодки в мобильном искусстве явно связано с преимущественно индивидуальным характером использования этого вида изделий.

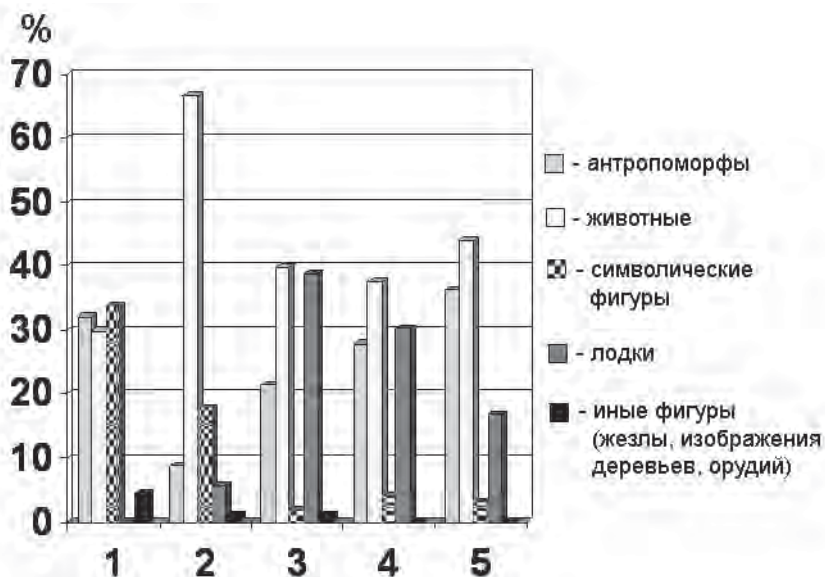


Рис. 3. Количественное соотношение образов на петроглифах Фенноскандии и в кремневой скульптуре Восточной Европы (без учета линий, неясных фигур, следов и т.п.):

1 — кремневая скульптура (225 изделий), 2 — онежские петроглифы (1080 фигур), 3 — беломорские петроглифы (1425 фигур), 4 — канозерские петроглифы (418 фигур), 5 — писаницы Финляндии (420 фигур)

В кремневой пластике в отличие от памятников наскального искусства отсутствуют фигуры в виде следов ног животных или людей (петроглифы), отпечатков ладоней (писаницы), изображения весел и других орудий труда. На петроглифах нет фигур, похожих на изображения рогов (Замятнин, 1948, рис. 5, 21). Отсутствие на неолитических петроглифах Фенноскандии изображений кабана (?), встречающихся в кремневой скульптуре Поволжского региона (Ошибкина, 1992, рис. 86), явно обусловлено природно-климатическими условиями Севера Европы, где это животное в неолите — энеолите почти не встречалось.

Следует отметить некоторые различия в деталях изображений одного вида на кремневой скульптуре и в наскальном искусстве. В частности, в кремневой скульптуре у антропоморфных персонажей нет явных признаков мужского пола, тогда как в наскальном искусстве Фенноскандии часто встречаются антропоморфные фигуры с обозначенным фаллосом. На петроглифах Онежского озера признаками мужского пола обладают 19 из 95 антропоморфных фигур, на Канозерских петроглифах 26 антропоморфных персонажей из 104 имеют обозначенный фаллос (Колпаков, 2007, с. 161). Ряд признаков позволяет уверенно распознать на наскальных изображениях персонажи женского пола (Жульников, 2006, с. 85; Колпаков, 2007, с. 161–162). Женские изображения в кремне могут быть выделены пока только условно — по наличию выступов в средней части фигур.

В кремневой скульптуре выделяется антропоморфная фигура, у которой обе ступни напоминают изображение головы змеи (рис. 4, 1). Эту фигурку (из Пено) иногда сопоставляют с костяной зооантропоморфной скульптурой из Кубенино, у которой на ногах вырезаны копыта лося (Студзицкая, 1994, с. 64). Отмечу, что копыта на скульптурке из Кубенино имеют характерную раздвоенную форму, полностью соответствующую облику копыт лося, тогда как завершение ног у кремневой фигурки из Пено совершенно иное — оно сходно с изображением головы змеи на кремневой скульптуре (Уткин, Костылева, 2000, рис. 3, 2, 3). Среди наскальных изображений Фенноскандии полные аналогии кремневой скульптуре из Пено не про-

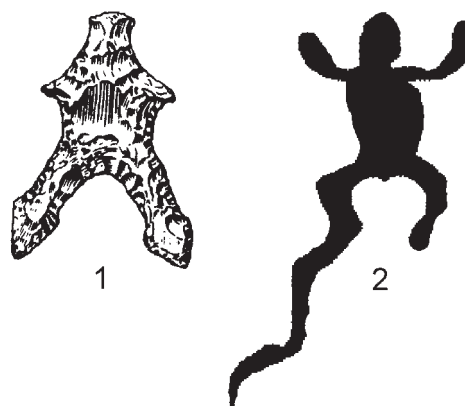


Рис. 4. Антропоморфные фигуры с ногами в виде змеи (?): 1 — Пено (Студзицкая, 1994, рис. 3, 1), 2 — Канозеро (Колпаков, 2007, с. 164)

слеживаются, но можно отметить наличие на писаницах Финляндии и петроглифах Канозеро нескольких антропоморфных фигур, одна из ног которых имеет змеевидную форму (рис. 4, 2).

Интересные результаты были получены при изучении количественного соотношения разных видов образов в кремневой скульптуре и наскальных изображениях (рис. 5). При статистическом анализе образов не рассматривались данные по неопределимым фрагментированным изображениям, неясным или сомнительным фигурам. Кроме того, не учитывался ряд изображений на петроглифах и писаницах, которые невозможно воспроизвести в кремневой скульптуре (линии, следы животных, людей, лыжных палок, лыж, отпечатки ладоней). Всего на Онежских петроглифах было учтено 1080 фигур, на Беломорских — 1425, на Канозерских — 418, на писаницах Финляндии — 420. Наиболее многочисленными в кремневой скульптуре (255 учтенных экземпляров) оказались антропоморфные и символические изображения (в том числе сдвоенные изображения птиц) — более 32 %. Животные в кремневой скульптуре занимают по численности лишь третью позицию — около 29,8 %. Эти данные с учетом соотношения видов животных в кремневой скульптуре, единичности кремневых фигур животных в исследованных погребениях позволяют высказать сомнения

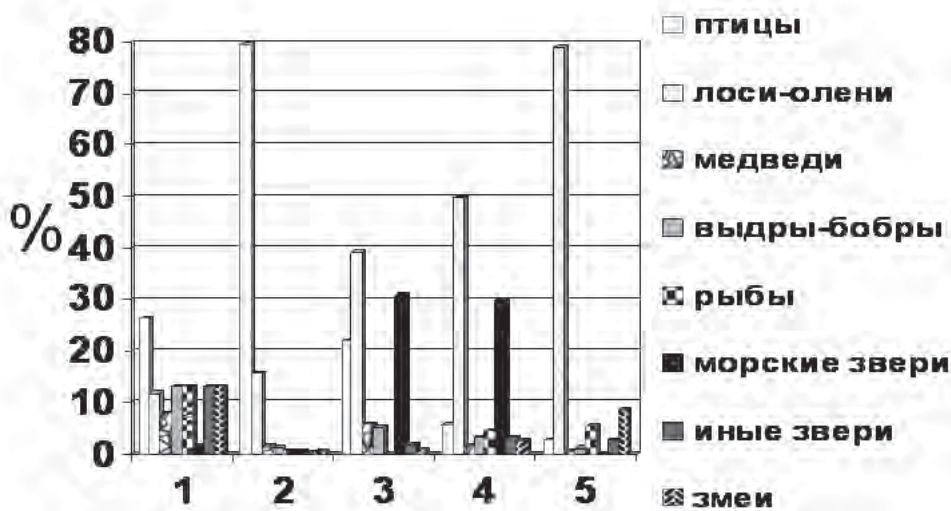


Рис. 5. Количественное соотношение изображений животных разных видов на петроглифах Фенноскандии и в кремневой скульптуре Восточной Европы:

1 — кремневая скульптура (76 фигур), 2 — онежские петроглифы (718 фигур), 3 — беломорские петроглифы (504 фигуры), 4 — канозерские петроглифы (157 фигур), 5 — писаницы Финляндии (185 фигур)

по поводу часто встречающегося в археологической литературе предположения о связи кремневой скульптуры с тотемистическими представлениями древних людей.

На Онежских петроглифах доминируют изображения животных — 66,5 %, тогда как доля символических фигур, включая сдвоенные фигуры птиц, составляет 17,8 %, антропоморфных персонажей — 8,8 %, лодок — 5,7 %, другие виды изображений (орудия, деревья, жезлы) — 1,2 %. На петроглифах Белого моря наиболее многочисленны изображения животных (39 %) и лодок (38,7 %). Количество антропоморфных персонажей на Белом море составляет 21,4 %, геометрических фигур (овалы, кресты, прямоугольники и т.п.) — 1,8 %, других изображений — 1,2 %. На писаницах Финляндии доля изображений животных 41,6 %, антропоморфных персонажей — 33,3 %, геометрических фигур и орнаментов — 9,8 %, лодок — 15,3 %. На петроглифах Канозеро доля изображений животных 33,7 %, антропоморфных персонажей — 27,3 %, геометрических фигур — 3,5 %, лодок — 29,4 %, другие виды изображений — 3,0 %.

Состав видов животных, изображенных на петроглифах и в кремневой пластике, оказался прак-

тически идентичен, однако количественные данные по использованным образам не совпадают (рис. 5). В кремневой пластике виды животных представлены примерно в равных долях, с некоторым преимуществом по численности фигур водоплавающих птиц. На петроглифах Восточной Фенноскандии, напротив, заметно доминируют обычно один, два или три вида животных — повсеместно это копытные, а также птицы (Онежские и Беломорские петроглифы) и морские звери (петроглифы Белого моря и Канозеро) (рис. 5). Доля остальных видов животных колеблется от 4,7 % (Онежские петроглифы) до 21,1 % (писаницы Финляндии).

Среди видов животных, нашедших заметное место в репертуаре кремневой скульптуры и наскальных изображений, особо следует отметить изображение змеи. Устойчивое и частое использование этого образа в первобытном искусстве не позволяет согласиться с высказанным Д.А. Крайновым тезисом о том, что значение животного как символа определялось его главенствующей ролью в промысле (Крайнов, 1978, с. 108). В подтверждение тезиса об отсутствии прямой связи между количеством изображений животных и их промысловым значением можно привести данные по ко-

стояной неолитической скульптуре Восточной Европы. Так, на территории этого региона известна всего одна костяная подвеска-нашивка в виде фигуры лося (Кашина, 2006, рис. 5, 13), тогда как количество неолитических костяных фигур змей, без учета изображений их голов, составляет 13 экз. На писаницах Финляндии среди изображенных животных второе место по численности занимает образ змеи (8,6 %), уступая лишь изображениям лося/олени (78,9 %).

Сопоставление параметров фигур животных одного вида или антропоморфных персонажей на петроглифах Фенноскандии позволяет выявить некоторые специфические каноны их изображения, которые служат для распознавания образов, представленных в кремневой скульптуре. Возможность такого сопоставления основана на том, что при неизбежной стилизации фигуры животного или антропоморфного персонажа, связанной с технологическими трудностями обработки камня, первобытному человеку необходимо было обеспечить узнаваемость образа.

В качестве примера использования петроглифов для распознавания кремневой скульптуры можно привести фронтальные антропоморфные изображения из кремня (рис. 6, 7–14). Эту скульптуру ряд исследователей определяет как фигуру медведя, стоящего на задних лапах, или как изображение медвежьей шкуры (Крайнов, 1978, с. 101–102; Шипилов, 2009). Изучение наскального искусства Фенноскандии показывает, что медведи повсеместно изображались только в профиль, тогда как среди антропоморфных персонажей имеются как профильные, так и фронтальные фигуры (рис. 6, 1–6). На неолитических наскальных изображениях Фенноскандии явные изображения шкур животных не представлены. Среди зооантропоморфных персонажей на петроглифах отсутствуют и фигуры с головой медведя. В кремневой скульптуре Восточной Европы есть два изображения медведя, видимо, стоящего на задних лапах, но в обоих случаях это также профильное изображение (рис. 6, 18, 19). Судя по этим данным, вряд ли можно сомневаться, что рассматриваемые фронтальные фигуры из кремня являются антропоморфными персонажами.

Медведи на петроглифах изображены в основном бесхвостыми или в единичных случаях хвост обозначен в виде небольшого выступа. Отличительными признаками медведей, выбитых на скалах, является прогнутая нижняя часть морды, на ногах четко выраженные ступни, выступающие вперед (рис. 6, 14–17). У лосей/олени хвост показан обычно довольно коротким. Доля лосей/олени с обозначенным хвостом в разных группах наскальных изображений колеблется примерно от 50 до 90 %. Основным признаком, позволяющим определить на петроглифах и писаницах изображения пушных зверей и собак, является наличие у фигуры животного, изображенного в профиль, относительно длинного хвоста. У собак, распознаваемых на петроглифах, в том числе по содержанию охотничьих композиций (Альта), хвост иногда изображен поднятым вертикально. Эти признаки могут быть использованы для определения изображений мелких млекопитающих, выполненных в кремне. В качестве примера распознавания образа можно привести фигурку зверя со стоянки Зимняя Золотица (рис. 6, 21). Эта фигурка характеризуется в археологической литературе как изображение медведя или песца, однако отсутствие у данного животного отчетливо выраженного хвоста не позволяет относить его к мелким пушным животным. Прогнутая нижняя часть морды у фигурки с Зимней Золотицы является признаком, указывающим на то, что в данном случае, видимо, изображен медведь.

На петроглифах Фенноскандии выдра и бобр, в отличие от других животных, всегда изображаются в проекции сверху (рис. 1, 3, 17), что, видимо, определяется положением этих образов-символов в структуре представлений человека эпохи камня о мироустройстве (Жульников, 2006, с. 196). На петроглифах фигуры выдры и бобра, как правило, различаются по форме хвоста и головы. По этим признакам фигуры бобра и выдры, выполненные в кремне, можно отличить не только друг от друга, но и от других пушных зверей с длинным хвостом, изображенным в профиль (рис. 1, 33–36).

В охотничьем наскальном искусстве Северной Европы, Урала и Западной Сибири почти не встречаются фронтальные изображения летящих птиц.

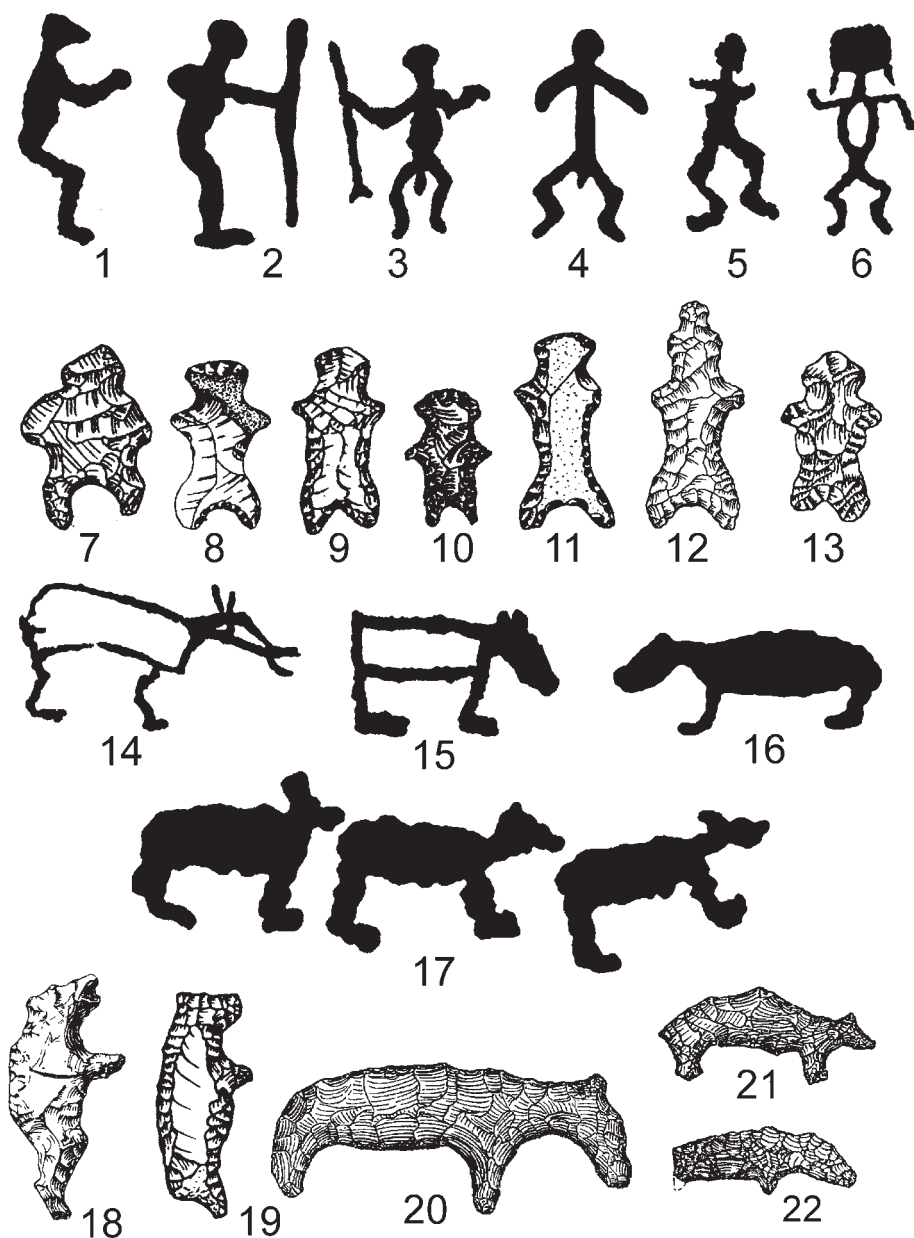


Рис. 6. Изображения антропоморфных персонажей и медведей на петроглифах Финноскандии и в кремневой скульптуре Восточной Европы:

1 — Бесов Нос (западная группа) (Poikalainen, 2004, fig. 22, b), 2 — Бесов Нос (западная группа) (Равдоникас, 1936, табл. 26), 3 — Каменный (Канозеро), 4 — Уиттамонсалми (Lahelma, 2008, fig. 10, b), 5 — Карецкий Нос (Равдоникас, 1936, табл. 1), 6 — Пери Нос III (Савватеев, 1970, рис. 108), 7 — Сахтыш Па, 8 — Сахтыш I, 9 — Круглое, 10 — Волосово, 11 — Репище, 12 — Усть-Яренга (Уткин, Костылева, 1996, рис. 2, 3), 13 — Вологда (Недомолкина, 2000, рис. 6, 7), 14 — Бесов Нос (западная группа) (Равдоникас, 1936, табл. 32), 15 — Лебединый Нос (Poikalainen, Ernits, 1998, fig. 115), 16 — Устье р. Черная (Жульников, 2006, рис. 140, 3), 17 — Новая Залавруга, группа VIII (Савватеев, 1970, рис. 48), 18 — Багон-отмель (Студизцкая, 1994, рис. 1, 21), 19 — Синяя Гора I (Черных, 1996, рис. 5, 1), 20, 21 — Зимняя Золотица (Замятнин, 1948, рис. 4, 2, 3), 22 — Вис II (Семенов, 2006, рис. 1, 9)

Неизвестны подобные фигуры и среди неолитических резных изображений из кости и янтаря, найденных на территории Северной и Восточной Европы. Эти данные не позволяют согласиться с трактовкой ряда кремневых фигур как изображе-

ний «птицы в полете» (Крайнов, 1992, с. 97; Костылева, Уткин, 2009, с. 66). Напротив, эти фигуры (рис. 7, 12–17) имеют очевидное сходство с изображениями двухголовых птиц, известных не только на петроглифах (рис. 7, 6–11), но и среди

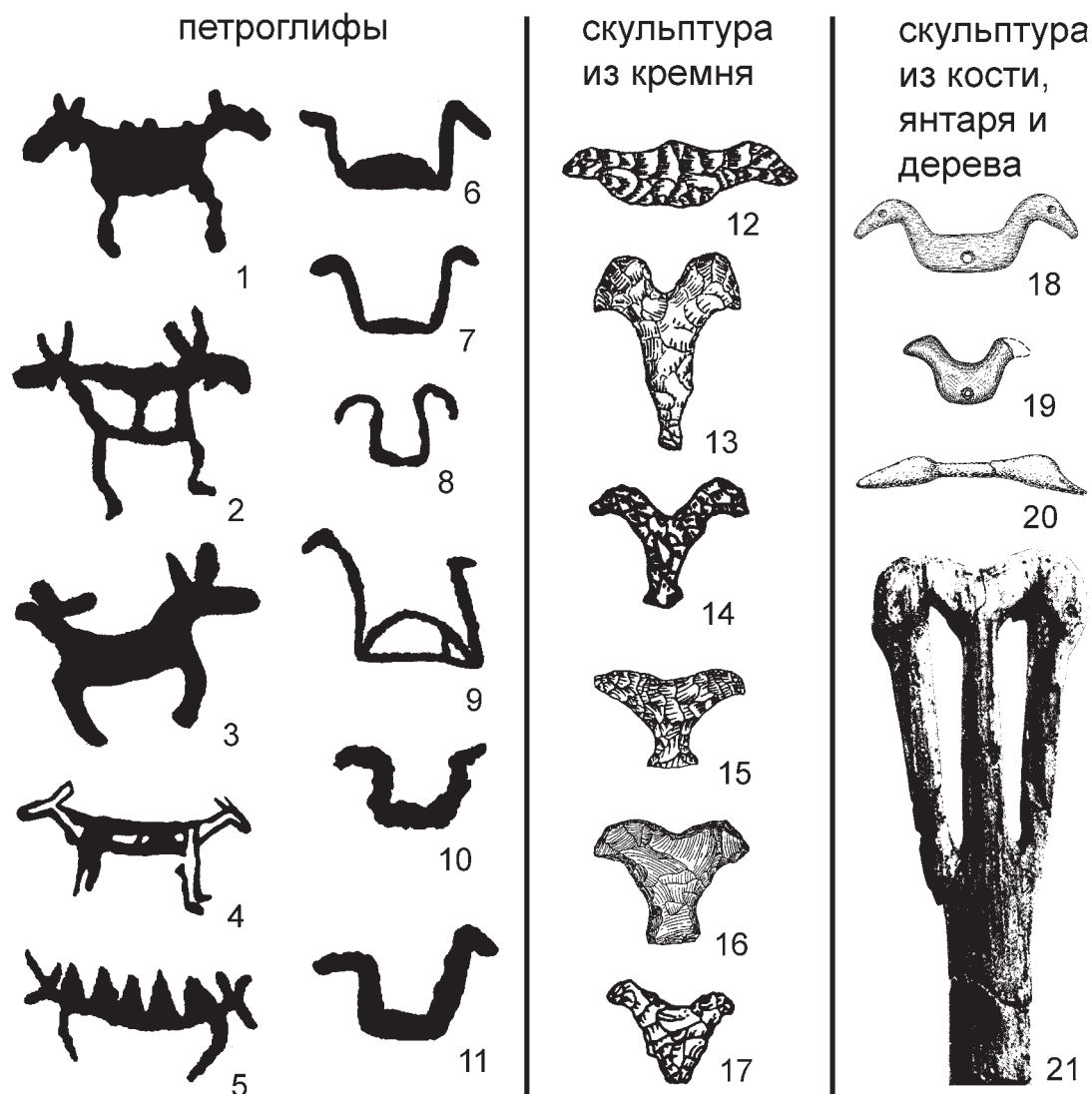


Рис. 7. Сдвоенные изображения лося-олени и птицы в культуре неолитического населения Северной и Восточной Европы:

1 — Ерпин Пудас III (Саввагеев, 1987, рис. 3), 2, 3 — Немфорсен (Hallström, 1960, р. 292–293), Амтманнснес (Альта) (Helskog, 1988, р. 64), Сараакаллио (Lahelma, 2005, fig. 1), Кладовец Нос (Равдоникас, 1936, табл. 34). 7, 8 — Бесов Нос (западная группа) (Равдоникас, 1936, табл. 28), 9 — Кочковнаволок (Poikalainen, Ernits, 1988, р. 171), Пери Нос VI (Равдоникас, 1936, табл. 20), 11 — (Саввагеев, 1970, рис. 7), 12 — Вёкса (Недомолкина, 2000, рис. 4, 9), 13, 16 — Волосово (Замятин, 1948, рис. 6, 8, 17), 14 — Сахтыш I (Студзицкая, 1994, рис. 5, 9), 15 — Кончанский могильник (Зиминая, 1992, рис. 167, 5), 17 — Модлона (Ошибкина, 1996, рис. 75, 35), 18 — Николо-Перевоз, 19 — Языково, 20 — Звейниекы, погребение 221 (Загорскис, 1983, рис. 2, 6), 21 — Усвяты IV (Жульников, 2006, рис. 46, 10)

костяной, янтарной, деревянной скульптуры (рис. 7, 18–21). Отмечу, что расположение отверстия на сдвоенных фигурках птиц со стоянок Николо-Перевоз и Языково (рис. 7, 18, 19) свидетельствует о том, что подобные фигурки носились «вверх ногами». Получает объяснение и расположение выступа на некоторых кремневых изделиях в виде сдвоенных птиц (рис. 7, 13–16). Этот выступ служил, видимо, для привязывания шнура, соответственно, эти фигурки носились в «перевернутом» виде.

Разрешить все спорные вопросы с трактовкой кремневой скульптуры, опираясь только на петроглифы, видимо, невозможно, однако привлечение этого сравнительного материала повышает надежность наших определений.

Различия в территории распространения сходных признаков на памятниках изобразительного искусства, общих для кремневой скульптуры и наскальных изображений, дают основание разделить их на три основных группы.

Группа 1. Сходство признаков проявляется в разных видах изобразительных памятников на широкой территории, охватывающей не только Северную Европу, но и Зауралье и иногда весь север Евразии. К числу таких сходных количественных и качественных признаков отнесены следующие: почти полное совпадение в репертуаре изображаемых животных в наскальном искусстве и кремневой скульптуре, устойчивое сочетание образов животных с антропоморфными фигурами, «рогатые» антропоморфные персонажи, лосиноголовые жезлы, фигуры в виде месяца, изображение антропоморфных персонажей с согнутыми в коленях ногами.

Группа 2. Сходство признаков прослеживается только в ареале распространения кремневой скульптуры и наиболее близких к нему территориально Онежских и Беломорских петроглифах (символические изображения в виде месяца с одним-двумя выступами на выпуклой стороне, сдвоенные изображения птиц, многочисленные изображения водоплавающих птиц).

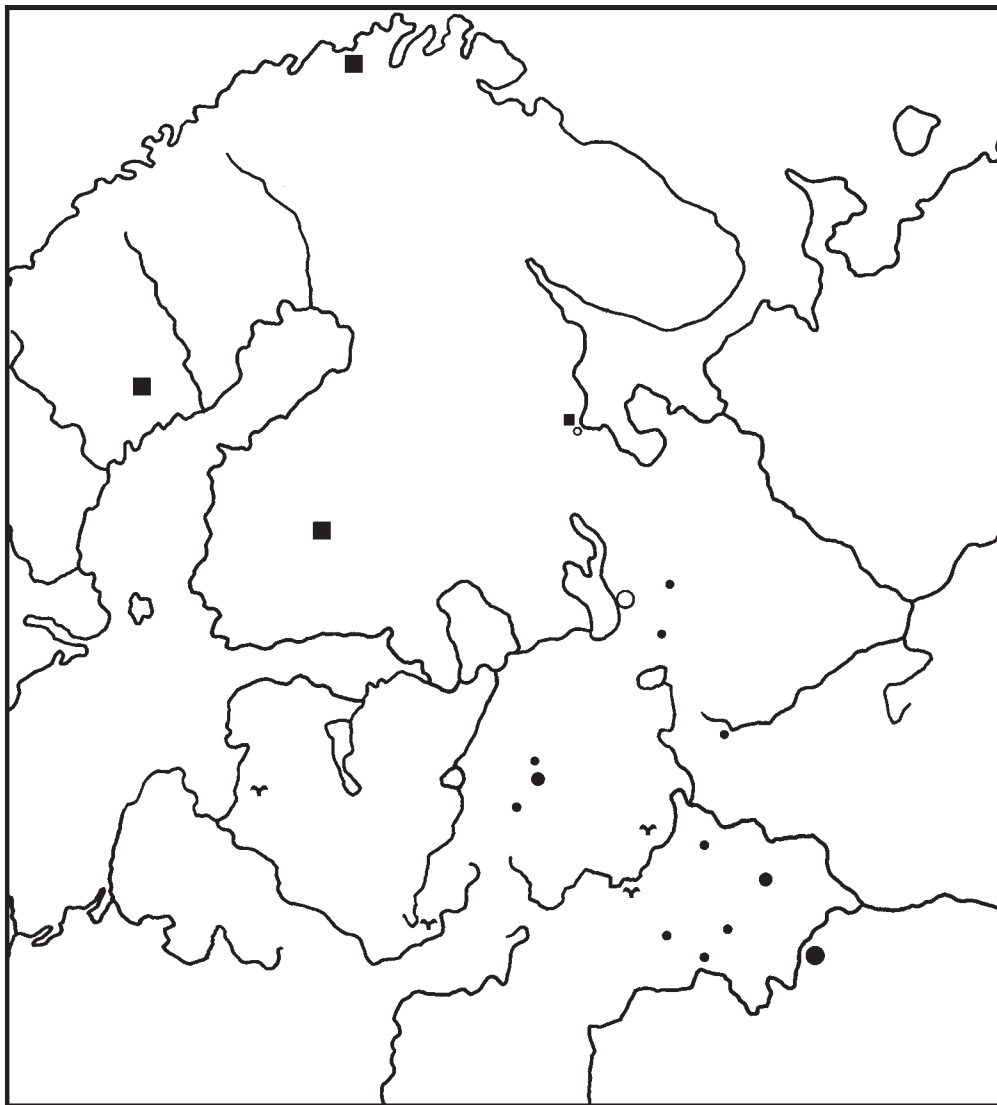
Группа 3. Сходство признаков носит единичный характер. Оно наблюдается в основном между петроглифами Онежского озера и кремневой скульптурой (антропоморфные фигурки с чубом, водо-

плавающая птица с выступом на спине, животное, ассоциированное с символическим изображением).

Первая группа признаков, судя по их широкому территориальному распространению, может рассматриваться в качестве проявлений универсалий первобытной культуры, отражающих близость мифологических представлений охотников и рыболовов Северной Евразии об облике некоторых мифических персонажей, о мироустройстве и т.д. Например, «рогатые» антропоморфные персонажи встречаются не только среди наскальных изображений Фенноскандии и кремневой скульптуры Волго-Окского междуречья, но и на петроглифах/писаницах Урала и Сибири. Фигуры в виде месяца, изготовленные из кости, камня, металла и других материалов, известны во многих древних культурах Евразии.

Вторая группа признаков имеет локальный характер, территориально охватывает стык трех водных бассейнов — Беломорского, Балтийского и Каспийского. Мифологические представления, которые лежат в основе использования сдвоенных изображений, фигур в виде месяца, носят универсальный символический характер, однако в данном случае мы видим оригинальное изобразительное воплощение этих символов (сдвоенные фигуры копытных и птиц, фигуры в виде месяца с одним или двумя выступами на выпуклой стороне). Сдвоенные изображения лося/олени известны пока только на петроглифах и писаницах (рис. 7, 1–5). Сдвоенные фигуры птиц известны на петроглифах, в кремневой, костяной, янтарной скульптуре и изделиях из дерева (рис. 7, 6–21). Сдвоенные изображения копытных встречаются только на территории Фенноскандии, тогда как сдвоенные фигуры птиц характерны для юго-восточной части Балтии, западной части бассейна Белого моря и Верхневолжского бассейна (рис. 8). Достаточно показательна территориальная близость пунктов находок сдвоенных фигур птиц на Онежских и Беломорских петроглифах и в кремневой пластике.

Кремневые фигуры в виде месяца с одним или двумя выступами найдены только в верхней части бассейна Волги, в восточной части бассейна Балтийского моря и в западной части Белого моря (рис. 9). В пределах этой территории находятся



Кремневые двоянные изображения птиц: ● - 1 изображение ● - 2-3 изображения ● - 5 изображений
 Двоянные изображения птиц на петроглифах: ○ - 1 изображение ○ - 10 изображений
 Двоянные изображения копытных животных на петроглифах: ■ - 1 изображение ■ - 2 и более изображений
 Двоянные изображения птиц из кости, янтаря, дерева: ♀ - 1 изображение

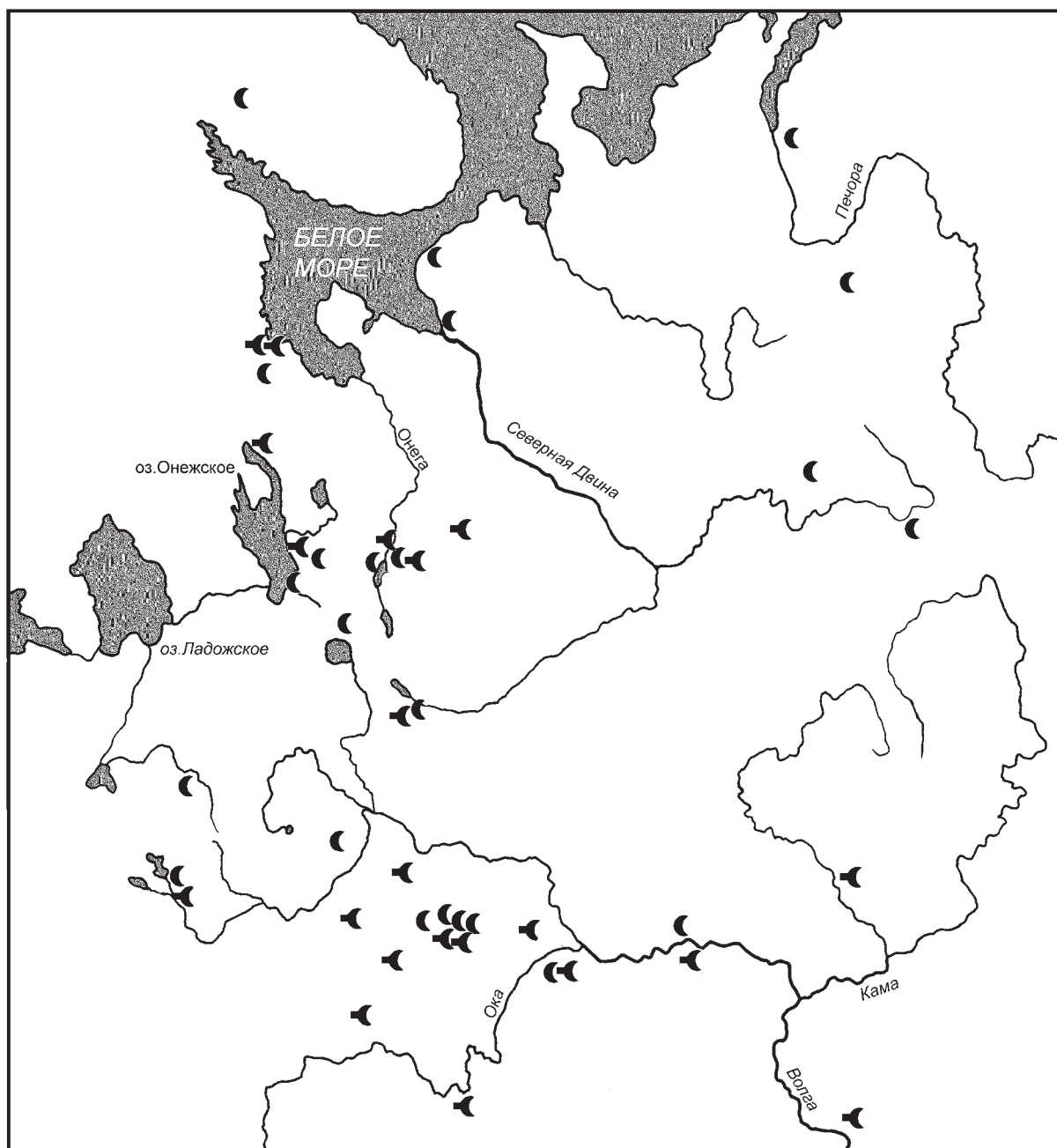
Рис. 8. Памятники со двоянными неолитическими изображениями птиц и лосей/олений на территории севера Восточной Европы

и Онежские петроглифы, где распространены подобные по виду изображения.

Фигуры птиц часто встречаются на петроглифах Онежского озера и Белого моря, которые близки территориально к основному региону распростра-

нения кремневой скульптуры. В других крупных скоплениях наскальных изображений Фенноскандии фигуры птиц наблюдаются редко.

Судя по этим данным, связи в духовной сфере для древних людей, проживавших на окраине круп-



☾-а ☾-б

Рис. 9. Памятники с неолитическими находками фигур в виде месяца и месяца с выступом или выступами на выпуклой стороне (петроглифы, кремневая скульптура) на территории севера Восточной Европы: а — находки фигур в виде месяца, б — находки фигур в виде месяца с одним или двумя выступами

ного водного бассейна, были направлены во многом на население соседних крупных водных бассейнов.

Третья группа признаков позволяет предполагать некоторое влияние визуальных образов Онеж-

ских петроглифов на кремневую скульптуру. Этот вывод подтверждается тем, что три кремневых скульптуры, наиболее близкие по своим специфическим признакам к некоторым фигурам на Онеж-

ских петроглифах (рис. 1, 30; 2, 1, 5), были найдены на территориально близких к Онежскому озеру стоянках бассейна реки Онеги.

Появление на Онежских петроглифах и в кремневой скульптуре со стоянки Модлона (бассейн реки Онеги) единичных фигур птиц с выступом на спине, возможно, связано с влиянием сходных по стилю изображений птиц на неолитической керамической посуде (Гурина, 1972, рис. 10, 1–3, 5, 10; Жульников, 2006, рис. 36, 1, 2). Показательно, что подобные по стилю изображения на керамической посуде были распространены в неолите в восточной части бассейна Балтийского моря и (в единичном случае) в юго-западной части бассейна Белого моря (рис. 10).

В целом наблюдаемое сходство между кремневой скульптурой и наскальными изображениями обусловлено разными причинами, среди которых наиболее примечательны те, которые позволяют

конкретизировать наши представления о направлениях и формах взаимодействия в духовной сфере древних жителей Севера Европы. Распространение ряда видов сходных изображений на прилегающих друг к другу территориях трех крупнейших водных бассейнов Северной и Восточной Европы свидетельствует о наличии здесь локальной общности древнего населения, осуществлявшего активные контакты в духовной сфере. На данной пограничной территории в неолите и энеолите получили распространение несколько типов керамики, видимо, отражающих определенные этнические различия между группами населения региона. Следовательно, круг брачных связей группы древних людей, фиксируемый по керамике, может не совпадать территориально с областью взаимодействия этой же группы населения в духовной сфере, выделяемой по данным анализа памятников изобразительного искусства.

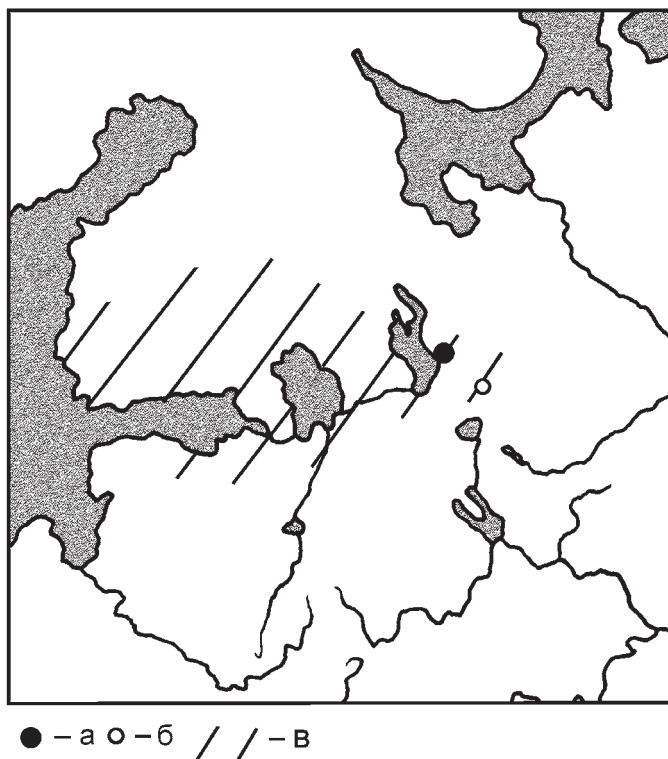


Рис. 10. Памятники с неолитическими находками на севере Европы изображений водоплавающих птиц с обозначенным крылом: а — онежские петроглифы, б — Модлона, в — территория неолитических находок фрагментов керамических сосудов с изображениями водоплавающих птиц с обозначенным крылом

ЛИТЕРАТУРА

- Гурина Н.Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен. М., 1972. (КСИА. Вып. 131).
- Жульникова А.М. Мелкая глиняная и каменная скульптура из позднеэнеолитических поселений Карелии // Вестник Карельского государственного краеведческого музея. Вып. 1. Петрозаводск, 1993.
- Жульникова А.М. Петроглифы Карелии: образ мира и миры образов. Петрозаводск, 2006.
- Жульникова А.М. Кремневая скульптура в культуре древнего населения Прибеломорья и соседних регионов // Человек и древности. М., 2010. С.
- Замятнин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. 1948. Вып. X. С.
- Загорский Ф.А. Костяная и роговая скульптура из могильника Звейниекки // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983. С. 138–142.
- Зимина М.П. Запад Русской равнины // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992.
- Кашина Е.А. К вопросу об антропоморфных изображениях из кремня в лесной зоне Европейской России // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. 1. Тверь, 2006.
- Колпаков Е. М. Петроглифы Канозера: типологический анализ (по состоянию на 2005 г.) // Кольский сборник. СПб., 2007. С.
- Костылева Е.Л., Уткин А.В. Произведения искусства неолитической эпохи центра Русской равнины // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 44: Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: Мат-лы науч. конф. СПб., 2009. С.
- Крайнов Д.А. Кремневые и костяные скульптурки со стоянок Верхнего Поволжья // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С.
- Крайнов Д.А. Русская равнина. Центр // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992. С.
- Недомолкина Н.Г. Сухонские кремневые фигурки // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1. Тверь, 2000. С.
- Никитин В.В. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1996. (Тр. Марийской археолог. экспедиции. Т. IV).
- Равдоникас В.И. Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л., 1936.
- Равдоникас В.И. Наскальные изображения Белого моря. М.; Л., 1938.
- Ревуненкова Е.В. «Корабль мертвых» у батаков Суматры // Культура народов Австралии и Океании. Л., 1974. С.
- Ошибкина С.В. Север Восточной Европы // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992. С.
- Ошибкина С.В. Каргопольская культура и памятники типа Модлона // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 221–230.
- Савватеев Ю.А. Залавруга. Л., 1970. Ч. 1: Петроглифы.
- Савватеев Ю.А. Залавруга. Л., 1977. Ч. 2: Стоянки.
- Семенов В.А. Фигурный кремль Северо-Востока Европейской России: атрибуция и интерпретация // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С.
- Студзицкая С.В. Особенности духовной культуры волосовских племен // Древности Оки. М., 1994. С. (Труды ГИМ. Вып. 85).
- Уткин А.В., Костылева Е.Л. Антропоморфные изображения волосовской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996. С.
- Черных И.Н. Мелкая кремневая пластика со стоянки «Синяя Гора» 1 (Ботово 1) на оз. Селигер // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996. С.
- Шевелев В.В. Кремневая скульптура из окрестностей озера Лача // СА. 1986. № 1. С.
- Шевелев В.В. Кремневые фигурки из Каргополя // СА. 1990. № 3. С.
- Шутилов А.В. Кремневая скульптура эпохи неолита — энеолита зоны водохранилищ Волго-Камского каскада // РА. 2009. № 1. С.
- Hallström G. Monumental Art of Northern Sweden from the Stone Age. Nämforsen and other localities. Stockholm, 1960.
- Helskog K. Helleristningene i Alta: spor etter ritualer og dagligliv i Finnmarks forhistorie. Alta, 1988.
- Lahelma A. The boat as a symbol in Finnish rock art // Мир наскального искусства. Сборник докладов международной конференции. М., 2005.
- Lahelma A. A Touch of Red: Archaeological and Ethnographic Approaches to Interpreting Finnish Rock Paintings // Iskos 15. Helsinki, 2008.
- Poikalainen V. Rock art of Lake Onega. Tartu, 2004.
- Poikalainen V., Ernits E. Rock Carvings of Lake Onega: The Vodla Region. Tartu, 1998.